

Малиновский Олег Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
и международного права
Кубанского государственного университета

Кубрак Вероника Сергеевна

студентка юридического факультета
Кубанского государственного университета

К ПРОБЛЕМЕ АБСОЛЮТИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 Г. И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация:

В статье на основе анализа Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., положений российского законодательства, примеров из практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Конституционного суда России рассматривается проблема абсолютизации прав человека и их ограничений. Выделяются права, относимые Конвенцией и ЕСПЧ к абсолютным, освещаются правовые основания легитимных ограничений иных конвенционных прав. Констатируя схожесть подходов России и ЕСПЧ по многим вопросам, связанным с ограничениями прав, авторы в то же время акцентируют внимание на тенденции абсолютизации судом некоторых прав, не являющихся абсолютными. В качестве примера приводится постановление суда по делу «Анчугов и Гладков против России», которое вступило в противоречие с ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Отмечается, что указанная тенденция может привести к нарушению необходимого баланса между публичными и частными интересами. В заключение предлагаются некоторые меры, направленные на преодоление противоречий между Россией и ЕСПЧ в области толкования конвенционных прав.

Ключевые слова:

абсолютизация, права, свободы, человек, ограничения, реализация, Европейский суд по правам человека, Конституционный суд России, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Malinovsky Oleg Nikolaevich

PhD in Law,
Associate Professor, Civil Process
and International Law Department,
Kuban State University

Kubrak Veronika Sergeevna

Student, Law Department,
Kuban State University

RECOGNIZING THE ABSOLUTE NATURE OF HUMAN RIGHTS AND THE RESTRICTIONS ON THEM IN THE CONTEXT OF THE CONVENTION FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS OF 1950 AND THE RUSSIAN LAW

Summary:

Based on the analysis of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, the provisions of the Russian law, the case law of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of Russia, the study considers the problem of recognizing the absolute nature of human rights and their limitations. The research identifies the rights attributed by the Convention and the European Court of Human Rights to absolute, highlights the legal grounds for legitimate restrictions on other conventional rights. The authors note the similarity of the approaches of the Russian and European Courts to dealing with many issues related to restrictions on rights. Besides, they focus on the court's trend towards recognizing the absolute nature of several rights which are not absolute. The research cites the example of the Court ruling on the case of Anchugov and Gladkov v. Russia which is in breach of Part 3 of Article 32 of the Constitution of the Russian Federation. It is noted that this trend may lead to a violation of the balance between public and private interests. In conclusion, several measures are proposed to overcome the contradictions between Russia and the ECHR concerning the interpretation of the Convention rights.

Keywords:

recognition of the absolute nature, rights, freedoms, human, restrictions, implementation, European Court of Human Rights, Constitutional Court of Russia, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Система защиты прав человека, созданная на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), направлена на то, чтобы человек после Второй мировой войны стал главной фигурой в европейском правовом пространстве. Одной из качественных характеристик Конвенции является то, что значительная часть ее норм самоисполнима. Как отмечает Б.И. Нефедов, в тех странах, где допускается применение самоисполнимых международно-правовых норм, в частности в России, эти нормы непосредственно наделяют индивидов, как субъектов регулируемых отношений, правами и обязанностями [1, с. 12]. На сегодняшний день Конвенция, к которой за период ее действия было принято 16 протоколов, защищает практически весь перечень основных гражданских и политических прав и свобод и, кроме этого, на основе Протокола № 1 создает физическим и юридическим лицам достаточно широкие возможности для защиты ими имущественных прав.

Общеизвестно, что ряд основных прав и свобод человека имеет абсолютный характер. При этом защита не только абсолютных, но и всех иных международно признанных прав и свобод – первостепенная обязанность государств. Конвенция устанавливает, что все государства-участники обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, закрепленные в ней права и свободы [2].

В то же время как на общеевропейском, так и на внутригосударственном уровне предусмотрена возможность ограничения прав и свобод. В статье речь идет именно об ограничении прав и свобод человека, а не о его обязанностях [3].

Конвенция содержит общее положение о том, что ограничения, допускаемые в отношении закрепленных в ней прав и свобод, не должны применяться для иных целей, чем те, для которых они были предусмотрены.

Каковы же правовые основания ограничений? Если проанализировать положения Конвенции и протоколов к ней, можно сделать как минимум два основных вывода. Во-первых, правовой основой любого ограничения должен выступать только закон. Во-вторых, для ограничения прав человека необходимо наличие цели – защита публичных интересов. Аналогичные положения сохраняются и в российском праве, в частности в ч. 3 ст. 55 Конституции России.

В юридической литературе отмечается, что «защита прав и свобод человека со стороны государства предполагает предоставление государственным органам и должностным лицам публично-властных полномочий, связанных с установлением порядка и пределов их осуществления, а это и означает ограничение прав и свобод» [4, с. 164–165].

Несмотря на установление Конвенцией и протоколами возможности ограничения неабсолютных прав и свобод, наметилась тенденция абсолютизации определенной их части Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ). Т. е. мы говорим о том, что ряд конвенционных прав абсолютными по своей природе не являются, однако их легитимные ограничения все равно рассматриваются ЕСПЧ как нарушение Конвенции и протоколов к ней.

Согласно европейским международным стандартам, лишь немногие из прав и свобод человека не подлежат никаким ограничениям. Европейский суд по правам человека, Конвенция и протоколы к ней к таковым относят: право на жизнь; право не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; право не содержаться в рабстве или подневольном состоянии; право не быть осужденным за деяние, которое, согласно действовавшему в момент его совершения закону, не являлось уголовным преступлением; право не подвергаться более тяжкому наказанию, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

Первым в ряду абсолютных прав стоит право на жизнь, являющееся условием существования всех иных прав и свобод. В принципе, право на жизнь невозможно ограничить как таковое, его можно лишь легитимно лишить, так как под ограничением следует понимать сужение объема установленного содержания права. Протокол № 6 к Конвенции отменяет применение смертной казни в мирное время [5], а Протокол № 13 запрещает ее применение при любых обстоятельствах, даже во время войны [6]. При этом отметим, что ряд российских ученых выступает за восстановление возможности легитимного лишения права на жизнь.

К вопросу о смертной казни, конечно, следует подходить максимально осторожно. Необходимости ее массового применения в современном мире нет. Но нельзя не видеть, что опасность некоторых преступлений для общества и государства возрастает. К таковым в первую очередь относится терроризм. На наш взгляд, исправление осужденных за преступления террористического характера весьма сомнительно, но в настоящее время нет таких механизмов, которые позволили бы странам – членам Совета Европы применять смертную казнь без нарушения протоколов № 6 и 13. В то же время общеизвестен факт, что в некоторых странах при признании того, что право на жизнь является фундаментальным, основополагающим правом, в отдельных исключительных случаях допускаются обоснованные и установленные законом изъятия из него, которые не рассматриваются как несовместимые с демократией.

Приведем пример ограничения конвенционного права на свободу получения и распространения информации.

С 1 января 2018 г. в России вступили в силу поправки к Федеральному закону «Об информатизации, информационных технологиях и о защите информации», общий смысл которых состоит в идентификации пользователей в мессенджерах. Для организаторов сервисов обмена мгновенными сообщениями установлена обязанность предоставлять информацию уполномоченным государственным органам [7]. На основании этого ФСБ России в рамках своих полномочий издала приказ, согласно которому организаторы сервисов обмена мгновенными сообщениями обязаны передавать ключи их дешифрования [8].

Что мы получаем в итоге: нарушение закрепленного в ст. 10 Конвенции права на свободу получения и распространения информации, проявлением которого выступает право на шифрование и анонимность в интернете, или его правомерное ограничение, осуществляемое в целях защиты публичных интересов? Очевидно, что названные изменения российского законодательства соответствуют ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и не противоречат ст. 10 Конвенции, что подтверждается и правовыми позициями Страсбургского суда. ЕСПЧ, неоднократно признававший важность права на анонимность (K.U. v Finland, Appl. no. 2872/02, 02.12.2008; Delfi v Estonia, Appl. no. 64569/09, 10.10.2013), в то же время подчеркивает, что анонимность в интернете не является абсолютной и может ограничиваться для предотвращения беспорядков, преступлений или защиты прав других лиц. Таким образом, мы видим схожие подходы России и ЕСПЧ к вопросу ограничения указанного права, как и большинства других конвенционных прав.

Затронем два общих вопроса. Первый: каким образом соотносится российская правовая система с европейскими стандартами прав человека? И второй: в каких пределах подлежат ограничению конвенционные права?

Вопрос соотношения российской правовой системы с европейскими стандартами в области прав человека не является новым. С одной стороны, есть часть 1 ст. 15 Конституции РФ, где закреплено, что Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, и установлено, что законы и иные правовые акты не должны ей противоречить. С другой, действуют часть 4 ст. 15, часть 1 ст. 17, часть 3 ст. 46, часть 1 ст. 55 Конституции РФ.

Т.Г. Морщакова, исходя из анализа ч. 1 ст. 17 и ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, полагает, что в сфере защиты прав человека именно Конституция устанавливает, что нормами международного права как раз и обусловлено конституционное содержание этих прав, а отсюда вытекает принятая на себя государственными институтами задача обеспечивать толкование конституционных прав человека соответствующим официальному толкованию одноименных конвенционных прав [9].

В постановлении Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П подчеркивается единство прав и свобод человека. Суд констатирует, что закрепленные в Конституции РФ права человека и гражданина являются теми же правами, что и закрепленные в Конвенции. При этом из анализа данного постановления можно сделать вывод, что конвенционные нормы должны толковаться не сами по себе, а в единстве с системой действующего российского права [10].

В Федеральном законе от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Россия подтвердила, что признает юрисдикцию ЕСПЧ. Однако указанным постановлением Конституционного суда РФ предусмотрена возможность полного или частичного отказа от исполнения постановлений ЕСПЧ, которая на сегодняшний день возведена в ранг закона. Такая возможность допускается в случаях, если Конституционный суд установит, что постановление ЕСПЧ, вынесенное по жалобе против России, противоречит Конституции РФ. Таким образом, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации признается абсолютное верховенство Конституции.

Акцентируя внимание на высшей юридической силе в рамках национальной правовой системы Конституции РФ, В.Д. Зорькин подчеркивает, что «Россия вправе не учитывать решение Европейского суда в случаях и в частях, противоречащих конституционным ценностям, защищаемым ее Основным Законом» [11, с. 60].

Отметим, что практика признания неисполнимыми постановлений ЕСПЧ не является исключительной, она существует в Австрии, Великобритании, Германии, Италии. Так, в Великобритании правовые позиции ЕСПЧ не рассматриваются как подлежащие во всех случаях безусловному применению, они могут лишь приниматься во внимание. Британские юристы делают акцент на необходимости уважения ЕСПЧ роли национальных судов, восприятия им национальных особенностей, традиций и учета последствий воздействия его решений на правовую систему страны [12].

При этом важно отметить, что, исходя из принципа субсидиарности, ЕСПЧ не вправе подменять государства, которые имеют свободу усмотрения и вправе самостоятельно решать, как и каким образом должны обеспечиваться закрепленные в Конвенции права. Как констатирует А.И. Ковлер, на государстве лежит «ответственность за результат» [13, с. 28]. В зарубежной доктрине также отмечается, что принятие государствами мер индивидуального и общего характера является «обязательством достичь определенного результата» [14]. Т. е. национальные власти свободны в выборе средств, мер и механизмов, которые они считают целесообразными, и могут осуществлять их с учетом специфики своих правовых систем.

Обращаясь к вопросу о пределах ограничений, устанавливаемых в публичных интересах, отметим, что государства должны руководствоваться принципом пропорциональности (соразмерности), утвердившимся в европейских странах и их конституционном праве, в том числе и под влиянием практики ЕСПЧ [15, р. 10–11]. Согласно правовым позициям Конституционного суда РФ, публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать ограни-

чения прав и свобод, только если эти ограничения отвечают требованиям справедливости, пропорциональны, адекватны, соразмерны и необходимы для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц. Кроме того, они должны носить общий характер и не иметь обратной силы [16].

Публичный интерес – это не абстрактное благо, противоположное интересам человека, его правам и свободам, а необходимое условие. Без удовлетворения публичных интересов реализация прав и свобод человека нередко становится невозможной. Гармония интересов личности и государства недостижима в полной мере, поэтому легитимное ограничение прав и свобод человека – компромисс, который необходим для достижения общих целей, защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, и способ согласования частных интересов с публичными. Нарушение баланса между ними, игнорирование публичных интересов в угоду индивидуальным может создать угрозу стабильности и безопасности всего общества. К сожалению, приходится констатировать, что в деятельности ЕСПЧ иногда просматривается «уклон» в сторону абсолютизации частных интересов отдельных лиц в ущерб интересам всех членов общества.

Примером проявления со стороны ЕСПЧ тенденции абсолютизации «неабсолютных» прав является его правовая позиция по делу осужденных к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений С. Анчугова и В. Гладкова. ЕСПЧ, ссылаясь на свое прежнее постановление по делу «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)», счел противоречащим ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции (право на свободные выборы) установленный ч. 3 ст. 32 Конституции запрет на участие в выборах граждан, содержащихся по приговору суда в местах лишения свободы. Как известно, Конституционный суд РФ своим постановлением от 19 апреля 2016 г. № 12-П признал неисполнимым постановление ЕСПЧ в части предоставления указанного права как названным, так и всем другим осужденным заключенным. Обосновывая свою позицию, Конституционный суд РФ среди прочего указал, что российский законодатель был вправе предусмотреть ограничительные условия осуществления избирательных прав в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности государства, формирования легитимных органов народного представительства, поддержания публичного правопорядка и минимизации рисков криминализации избирательных отношений [17].

Отметим, что, принимая данное постановление, ЕСПЧ необоснованно сослался на общеевропейский консенсус по вопросу участия осужденных в выборах. Под общеевропейским консенсусом в доктрине международного права понимается подлежащая обнаружению тенденция или общность подходов к регулированию рассматриваемого вопроса в государствах – членах Совета Европы [18]. Исходя из того, что в значительной части государств – участников Конвенции осужденные заключенные ограничены в активном избирательном праве либо полностью лишены избирательных прав, Конституционный суд РФ в указанном постановлении сделал вывод, что по вопросу об избирательных правах заключенных общеевропейский консенсус отсутствует.

В приведенном примере противоречивые тенденции в области толкования конвенционных прав на национальном уровне и в толковании ЕСПЧ налицо. Они свидетельствуют о конкуренции между ЕСПЧ и Конституционным судом РФ и связаны с многоаспектной и сложной проблемой соотношения государственного суверенитета и международного права, а также с проблемой согласования частных интересов с публичными. При этом нельзя не отметить, что в последние годы ЕСПЧ подвергался критике со стороны некоторых российских политиков и представителей академических кругов за излишнюю, по их мнению, активность судей в интерпретации норм Конвенции («судейский активизм»), за то, что он, развивая свои правовые позиции, выходит за рамки того изначального содержания прав и свобод, которое закладывалось в текст Конвенции при ее создании. Сам же ЕСПЧ, рассматривая Конвенцию как «живой инструмент», заявляет о необходимости реагирования на изменяющиеся реалии и, соответственно, эволюционного толкования ее норм.

М.Л. Энтин и Е.Г. Энтина, говоря о том, что источником компетенции, которая признается за ЕСПЧ, являются государства, подчеркивают, что любые действия Страсбургского суда, выходящие за рамки признаваемой за государствами компетенции и идущие вразрез с их интересами, традициями и убеждениями, могут ими квалифицироваться как нелегитимные и превышение полномочий со всеми вытекающими из этого последствиями [19, с. 42].

Как считает П.А. Калиниченко, решения ЕСПЧ нельзя презюмировать как истину в конечной инстанции. Он отмечает, что коллизия между «страсбургской» и «национальной» системами защиты прав человека – явление возможное и встречающееся на практике, но в весьма редких случаях и что позиция Конституционного суда по делу «Анчугов С. и Гладков В. против России» звучит взвешенно и обоснованно [20, с. 46–47].

Таким образом, можно констатировать, что проявляющаяся в деятельности ЕСПЧ тенденция рассмотрения в качестве нарушений Конвенции применяемых государствами на основании законов в публичных интересах ограничений прав человека, не являющихся абсолютными, может приводить к нарушению необходимого баланса между публичными и частными интересами.

Представляется, что для преодоления противоречий в области толкования конвенционных прав требуется, во-первых, выработать единые стандарты, касающиеся ограничений прав человека, необходимых для удовлетворения публичных интересов; во-вторых, определить допустимые пределы эволюционного толкования конвенционных норм судьями ЕСПЧ; в-третьих, развивать диалог по спорным проблемам между Россией и ЕСПЧ. Пока мы можем констатировать отсутствие в ряде случаев взаимопонимания между Россией и ЕСПЧ, связанного в том числе с расхождениями в подходах к трактовке вопросов об абсолютном характере и ограничениях некоторых прав и свобод человека.

Ссылки:

1. Нефедов Б.И. Регулирует ли международное право отношения с участием частных лиц? (Часть 1) // Московский журнал международного права. 2017. № 1 (105). С. 3–19.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Нефедов Б.И. От прав и свобод человека – к статусу человека: необходимость изменения концептуальных подходов // Международное публичное и частное право. 2007. № 5. С. 11–16.
4. Варламова Н.В. Интересы национальной безопасности как основание ограничения прав человека (по материалам практики Европейского суда по правам человека) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 1. С. 164–190.
5. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS № 114) [Электронный ресурс] : подписан в Страсбурге 28 апр. 1983 г. // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440804/2440804.htm> (дата обращения: 28.09.2018).
6. Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни в любых обстоятельствах (ETS № 187) [Электронный ресурс] : подписан в Вильнюсе 3 мая 2002 г. // Там же. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12030647/12030647.htm> (дата обращения: 28.09.2018).
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Порядка представления организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в Федеральную службу безопасности Российской Федерации информации, необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс] : приказ ФСБ РФ от 19 июля 2016 г. № 432 // Российская газета. 2016. 2 сент. URL: <https://rg.ru/2016/09/02/fsb-prikaz432-site-dok.html> (дата обращения: 24.07.2018).
9. Морщакова Т.Г. Конституционная и судебная имплементация Европейской конвенции по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2 (111). С. 182–190. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2016-2-182-189>.
10. Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Зорькин В.Д. Право против хаоса : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. 367 с.
12. Arden M. Peaceful or Problematic? The Relationship between National Supreme Courts and Supranational Courts in Europe // *Yearbook of European Law*. 2010. Vol. 29, iss. 1. P. 3–20. <https://doi.org/10.1093/yel/29.1.3>.
13. Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. Европейская конвенция: новые «старые» права. С. 19–64.
14. Sudre F. *Droit européen et international des droits de l'homme*. Treizième éd. Paris, 2008.
15. Law of the European Convention on Human Rights / D. Harris, M. O'Boyle, E. Bates, C. Warbrick. 2nd ed. Oxford ; N. Y., 2009. 960 p.
16. Постановление Конституционного суда РФ от 30 окт. 2003 г. № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.
17. Постановление Конституционного суда РФ от 19 апр. 2016 г. № 12-П // Российская газета. 2016. 5 мая.
18. Dzehtsiarou K. Does Consensus Matter? Legitimacy of European Consensus in the Case Law of the European Court of Human Rights // *Public Law*. 2011. P. 541–548 ; Helfer L. Consensus, Coherence and the European Convention on Human Rights // *Cornell International Law Journal*. 1993. Vol. 26, no. 1. P. 133.
19. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть I // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 29–44.
20. Калининченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 42–48.

References:

- Arden, M 2010, 'Peaceful or Problematic? The Relationship between National Supreme Courts and Supranational Courts in Europe', *Yearbook of European Law*, vol. 29, iss. 1, pp. 3-20. <https://doi.org/10.1093/yel/29.1.3>.
- Dzehtsiarou, K 2011, 'Does Consensus Matter? Legitimacy of European Consensus in the Case Law of the European Court of Human Rights', *Public Law*, pp. 541-548.
- Entin, ML & Entina, EG 2017, 'The Impact of Human Rights Law on the Progress of the Modern International Law. Part I', *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2 (106), pp. 29-44, (in Russian).
- Harris, D, O'Boyle, M, Bates, E & Warbrick, C 2009, *Law of the European Convention on Human Rights*, 2nd ed., Oxford, New York, 960 p.
- Helfer, L 1993, 'Consensus, Coherence and the European Convention on Human Rights', *Cornell International Law Journal*, vol. 26, no. 1, p. 133.
- Kalinichenko, PA 2016, 'Concerning the Conflict between the Rulings of the ECHR and the Constitution of Russia in the Context of the Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation', *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, no. 2 (63), pp. 42-48, (in Russian).

- Kovler, AI 2015, 'The Correlation between the European Convention and Domestic Constitutional Law as a Growing Problem (Causes and Effects)', *Rossiyskiy yezhegodnik Yevropeyskoy konventsii po pravam cheloveka*, no. 1, pp. 19-64, (in Russian).
- Morshchakova, TG 2016, 'Constitutional and Judicial Implementation of the European Convention on Human Rights', *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*, no. 2 (111), pp. 182-190. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2016-2-182-189>.
- Nefedov, BI 2007, 'From Human Rights and Freedoms to the Status of a Person: the Need to Change Conceptual Approaches', *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*, no. 5, pp. 11-16, (in Russian).
- Nefedov, BI 2017, 'Does International Law Regulate Relations Involving Individuals? (Part 1)', *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1 (105), pp. 3-19, (in Russian).
- Sudre, F 2008, *Droit européen et international des droits de l'homme*, Treizième éd., Paris, (in French).
- Varlamova, NV 2013, 'The National Security Interests as a Basis for Restricting the Human Rights (Based on the Case Law of the European Court of Human Rights)', *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, no. 1, pp. 164-190, (in Russian).
- Zorkin, VD 2018, *The Right against Chaos*, monograph, 2nd ed., Moscow, 367 p., (in Russian).